

М. Ю. Лаптева. *Истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н. э.* (СПб.: Гуманитарная Академия, 2009). 511 с.

Вопреки заявлению автора (с. 427) и издательской аннотации, книга М. Ю. Лаптевой не является исследованием. Она представляет собой компиляцию – местами обстоятельную и компетентную, местами поверхностную и непрофессиональную. На этом можно было бы и остановиться, если бы не два обстоятельства: во-первых, странно оставлять без внимания первую в мировой науке монографию, претендующую на всестороннее рассмотрение истории Ионии; во-вторых, в ней все же есть кое-что ценное.

Во Введении автор дает полезный очерк археологического изучения Ионии (где, впрочем, отсутствуют раскопки последних десятилетий в Милете), называет ряд важных работ, посвященных выбранной теме, и говорит о своей цели: “вписать в общую историю греческого полиса” яркие факты социально-политической и культурной жизни Ионии – как те, что “еще неизвестны” (sic!), так и те, что малоизвестны (с. 17).

Первая глава, “Иония во II тыс. до н. э.” разделена на четыре параграфа: “Иония в минойский период”, “Ахейцы в Ионии”, “Ионийская миграция”, “Панионийский союз и этно-политическая консолидация мигрантов”, – названия которых говорят сами за себя. Читатель найдет здесь немало ценных ссылок на археологическую литературу, включая новейшую. Однако он не найдет обсуждения вопросов о том, кто такие ионийцы, когда появляются первые относящиеся к ним свидетельства, в какой мере за причастностью к общему диалекту стоит общность этническая, как соотносятся между собой носители западно-ионийских и восточно-ионийских диалектов.¹ К вопросам хронологии М. Ю. Лаптева подходит упрощенно и, например, совершенно не принимает в расчет сильных (хотя и далеко не принудительных)

¹ Упоминание ионийцев находят в одной из кносских табличек, относящихся к позднеминойскому III A 2 периоду, см.: L. Driessen // *BSA* 79 (1984) 49–56. Ионийцы однажды упоминаются в “Илиаде” (XIII, 685). Греческая традиция сохранила память о пребывании ионийцев в разных областях Пелопоннеса и Средней Греции – материал удобным образом собран в кн.: M. Finkelberg. *Greeks and Pre-Greeks: Aegean Prehistory and Greek Heroic Tradition* (Cambridge 2005) 128 n. 42. Об их имени см., в частности: J. Chadwick. *The Ionian Name* // K. H. Kinzl (ed.). *Greece and Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory: Studies Presented to Fritz Schachermeyer* (Berlin–New York 1977) 106–109.

доводов Питера Джеймса и его соавторов в пользу омоложения событий позднего Бронзового века на два – два с половиной столетия.²

Большая часть главы посвящена появлению ионийцев в Ионии. Археологические данные и сообщения древних авторов удобным образом сведены в две таблицы. Однако детальное обсуждение чего бы то ни было отсутствует. Факты не всегда представлены адекватно. Например, без достаточных археологических оснований принимается существование храма Аполлона в Дидимах в протогеометрический период.³ Хронологические выкладки легковесны. Так, по заключению М. Ю. Лаптевой, “генеалогии Гекатея и Геропита предполагают начало ионийской миграции в XI в.” (с. 74). Под “генеалогиями Гекатея и Геропита” (sic!), очевидно, имеется в виду сообщение Геродота о родословной Гекатея Милетского. Как бы то ни было, Вальтером Буркертом и затем мной было показано, что Гекатей относил Троянскую войну приблизительно к середине X в., так что ионийская миграция должна относиться, по Гекатею, к еще более позднему времени.⁴

Во второй главе, “Иония гомеровского периода (XI–VIII вв. до н. э.)”, значительное внимание уделяется гомеровским поэмам. Читатель не без удивления обнаруживает, что автор безнадежно путает метафоры и развернутые сравнения (с. 126, 138, 160), не понимает, что значит “эпическая формула” (с. 159 и след.), и даже словом “сюжет” пользуется неправильно (с. 126, 139, 186). Некоторые рассуждения автора тоже весьма удивительны. Вот каким образом М. Ю. Лаптева пытается убедить нас в наличии “впечатляющего сходства” между гомеровской Схерией и реальной Смирной: “Подобно Схерии Смирна находится ‘вдали от людей, в труде свою жизнь проводящих’ (*Od.*, VI, 8), ‘от народов других в стороне, на последних пределах шумного моря’ (*ibid.*, VI, 204–205)” (с. 127). Удивляет в этом утверждении пренебрежение здравым смыслом. Ведь достаточно взглянуть на карту региона и принять во внимание незначительность расстояний между отдельными его пунктами,

² P. James et al. (eds.). *Centuries of Darkness* (New Brunswick 1993).

³ См.: A. Herda. *Der Apollon-Delphinios-Kult in Milet und die Neujahrsprozession nach Didyma* (Mainz am Rhein 2006) 449 Anm. 3183.

⁴ W. Burkert. Lydia Between East and West or How to Date the Trojan War: A Study in Herodotus // *The Ages of Homer. A Tribute to Emily Townsend Vermeule*, ed. by J. B. Carter and S. P. Morris (Austin 1995) 139–148; D. Panchenko. Democritus’ Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology // *Hyperboreus* 6 (2000): 1, 31–78, esp. 69 ff.

чтобы отказаться от мысли, что кто-либо мог помещать Смирну “на последних пределах шумного моря”. Не менее поразителен и другой довод в пользу сближения Смирны со Схерией: “По словам царя феаков Алкиноя, Схерия находится на расстоянии дня морского пути от Эвбеи (VII, 325–326)” (с. 128). В действительности Алкиной говорит нечто иное: сколь ни далека от Схерии Эвбея, – а дальше ее уж, кажется, ничего нет, – наши мореходы доплыли до нее за день. Как бы ни решать вопрос о том, какая Эвбея здесь имеется в виду, совершенно ясно, что слова, вложенные в уста Алкиноя, призваны подчеркнуть исключительность феакийских мореходов, которым достаточно дня для любого перехода.

В остальных разделах второй главы, посвященных экономическим и политическим аспектам общественной жизни Ионии, М. Ю. Лаптева опирается преимущественно на прозаические и археологические источники, и это получается у нее намного лучше. Она уместно подчеркивает значение земледелия в хозяйственной жизни Ионии, убедительно пишет о характере тамошней царской власти, приводит сведения, не слишком известные за пределом узкого круга специалистов. Однако на последней странице главы тот факт, что на Востоке греки были известны под именем, производным от имени ионийцев, М. Ю. Лаптева без дальнейших рассуждений связывает с Ионией (с. 214). Между тем это ниоткуда не следует. Не раз предполагалось, что это может быть связано с торговой активностью ионийцев Эвбеи; возможны и другие варианты решения. Признаться, мне не удалось составить четкого представления о том, насколько М. Ю. Лаптева сознает факт существования ионийцев за пределами Ионии – например, то, что и афиняне были ионийцами. В любом случае автору стоило бы в своих рассуждениях о гомеровских материалах как-то учесть доводы Мартина Уэста – как будто, никем не опровергнутые – в пользу того, что основу языка “Илиады” и “Одиссеи” составляет западно-ионийский, а не восточно-ионийский диалект.⁵

Третья глава посвящена “экономике полисов Ионии архаического периода”. Здесь обо всем понемногу, включая сооружение храмов и ремесленное производство. Перед нами компиляция, не лишенная компетентности, но лишенная обстоятельности и основательности. Далеко не весь доступный материал привлечен. В частности, автор отмечает, что экономический расцвет ионийских полисов проявился особенно ярко к концу VI в. (с. 276), и именно

⁵ M. L. West. *The Rise of the Greek Epic* // *JHS* 108 (1988) 166.

этому периоду уделяет мало внимания. Намного полнее мог быть использован материал раскопок в Милете, Эфесе и на Самосе. Автор не обнаруживает знания того, что водопровод, сооруженный по проекту Эвпалина, известен не только по Геродоту, но и обстоятельно изучен археологически (с. 222, 241). С ошибкой дано расстояние между Милетом и Дидимами (с. 223), которое приблизительно на треть меньше указанных 32 км.

Четвертая глава, “Социальный строй и политическая эволюция полисов архаической Ионии”, также представляет собой компиляцию, но в ней широко представлены разнообразные античные свидетельства, не принадлежащие к числу общеизвестных. Эффект от их привлечения ослабляется недостаточной тщательностью в их интерпретации. Не всегда автор последователен. Так, эсимнетией на соседних страницах оказывается и особое избрание какого-то лица или лиц для выполнения определенных поручений, и ежегодно избираемая должность (с. 318–319). При скудости сохранившихся сведений о политической активности ионийских полисов в раннюю архаическую эпоху удивляет молчание автора об участии Милета и Самоса в войне между Халкидой и Эретрией за Лелантскую равнину; вообще о политических связях Ионии с другими центрами греческого мира сказано решительно недостаточно.⁶

Пятая глава, “Интеллектуальная элита в политической жизни архаической Ионии”, отличается наибольшей самостоятельностью, но здесь неожиданно выясняется, что автор плохо владеет основой основ ремесла историка – критикой источника. Нам пересказывают анекдоты, найденные у поздних античных авторов, без постановки вопроса о времени, целях и жанре использованных ими источников (с. 360 слл.). Нас уверяют, некритически следуя источнику, что Аристагор Милетский рисковал жизнью и затевал восстание ради своекорыстных целей (с. 401) и что подходящим способом заручиться поддержкой спартанцев в антиперсидском восстании он находил демонстрацию огромных размеров Персидской державы (с. 403). Следуя византийскому словарю, М. Ю. Лаптева отождествляет Кадма Милетского, одного из ранних прозаиков, с Кадмом, бывшим “немного моложе Орфея” и привезшим в Грецию алфавит (с. 397). Она не замечает, что во втором случае речь идет о мифическом Кадме – том самом, что рядом с фиванской Кадмеей посеял зубы дракона.

Заключение претендует на подведение “итогов исследования”.

⁶ См.: G. L. Huxley. *The Early Ionians* (London 1966) 47 ff.

Имеется два приложения. Первое представляет собой многостраничную таблицу, обзорающую важнейшие события в истории отдельных полисов Ионии с указанием соответствующих источников, – вполне полезный раздел. Во втором приложении, “Мелийская война в истории Ионии”, имитируется филология. Это приложение открывается длинной цитатой из Витрувия, которая дается в русском переводе, однако отдельные выражения в скобках поясняются словами оригинала. Манера знакомая: поясняются группы слов, никакой трудности не представляющие и никаких скобок с латинскими словами не требующие. Она эпизодически применяется в книге и к греческим авторам. Впрочем, в одном случае появление оригинального греческого слова оказывается кстати – когда автор, ссылаясь на Геродота, называет Гекатея “приближенным милетского тирана Аристагора” (с. 400): приведенное вслед за “приближенным” греческое слово $\sigma\tau\alpha\sigma\iota\omega\tau\eta\varsigma$ позволяет немедленно убедиться в том, что столь странное именование свободного и уважаемого гражданина является совершенно беспочвенным.

Надо сказать, что автор испытывает затруднения не только с греческим, но и с русским языком. Запятые то и дело отсутствуют; в тексте можно встретить такие слова, как “раннеархонический” (с. 202); расстановка слов приводит к таким явлениям, как “распространение железа в религиозном сознании” (с. 161). Автору свойственна неряшливость формулировок. Стоит ли называть виноград и оливу – “садовыми культурами” (с. 141), а архитектуру и строительство оборонительных сооружений – видами “ремесленной деятельности” (с. 171, 174)? Что такое “ионийская сакральная традиция” (с. 74) или же “дионисийская древность святилища Аполлона в Дидимах” (там же)?

Манера письма М. Ю. Лаптевой не отличается изяществом. Приведу три примера: “В легендах ионийской миграции XII–XI вв., передаваемых античными авторами, первые базилики Ионии предстают героями-ойкистами, предводившими на новые места поселения племена ионийцев и примкнувших к ним других греческих и негреческих племен” (с. 199); “ранние ионийцы и их предшественники в западной Малой Азии – ахейцы – всегда активно участвовали в работоторговле Восточного Средиземноморья” (с. 256, прим. 101); “первым ионийским политиком-интеллектуалом, уверенно вступившим на поприще политической жизни, был известный милетский философ Фалес” (с. 360).

Компилятивный характер работы М. Ю. Лаптевой не означает отсутствия у автора своей точки зрения по тем или иным вопросам – точнее, самостоятельного выбора между различными взгля-

дами, представленными в науке. Соответственно М. Ю. Лаптева порой высказывает свое отношение к суждениям тех или иных ученых, одобряет их или же вступает в полемику. Но то, как она поступает и в том и другом случае, нередко вызывает сожаление. М. Ю. Лаптева называет суждения своих предшественников справедливыми не потому, что появился новый материал, который это явственно обнаружил, и не потому, что ей удалось привести новые доводы в пользу разделяемой точки зрения, а просто в силу своего высочайшего научного авторитета – как это выглядит ввиду отсутствия каких-либо иных оснований (см. с. 144; 148, прим. 69). Вступая же в полемику, М. Ю. Лаптева неоднократно искажает чужую точку зрения и не всегда подкрепляет свою аргументами. Я рассматриваю два случая.

В одном из них М. Ю. Лаптева, исходя из своего не лишеного правдоподобия и подкрепленного рядом доводов убеждения, что “уже в первые века своей истории ионийские поселения были преимущественно аграрными” (с. 131), считает нужным вступить в полемику с Энтони Снодграссом, утверждавшим, что в темные века основным хозяйственным занятием греков было скотоводство. Но Снодграсс на указанных М. Ю. Лаптевой страницах своей известной книги *The Dark Age of Greece* (378–380) имеет в виду прежде всего материковую Грецию и при этом свои выводы формулирует весьма осторожно: “and perhaps we may tentatively conclude that Greeks had continued to subsist rather by stock-breeding than by arable farming after the fall of Mycenaean civilization”. Более того, именно для Ионии он отмечает обозначившуюся к концу периода противоположную тенденцию: “But in the later dark age there begins to be evidence of a contrary trend, at least for Attica and Ionia”.

В другом случае, изложив свои взгляды на характер ионийской колонизации, М. Ю. Лаптева вдруг вступает в резкую полемику с Ю. В. Андреевым (с. 93, прим. 206):

В этой связи нам кажется совершенно неприемлемой картина переселений ахейских греков в Ионию, нарисованная Ю. В. Андреевым без опоры на легендарную традицию, которую он отбрасывает как ‘грубую, схематичную и надуманную’. Миграция ионийцев в его изображении предстает неким хаотичным, неосмысленным и неорганизованным движением деморализованных беженцев из Балканской Греции. По мнению Ю. В. Андреева, бессмысленно строить какие-либо предположения о центрах миграции, ее этническом составе, характере и причинах.

Следует ссылка на с. 710–712 книги Ю. В. Андреева *От Евразии к Европе* (СПб. 2002).

Не кажется удачной сама идея полемизировать в таком тоне с ученым, которого уже нет среди нас и который поэтому не может ответить – с ученым, который обладал острым исследовательским умом, обширными знаниями, блестящим литературным стилем и работы которого М. Ю. Лаптева неоднократно использует в своей книге. К тому же позиция критикуемого автора передана М. Ю. Лаптевой далеко не точно. Отмечу сразу, что неясность относительно того, кто собственно переселялся в Ионию – “ахейские греки” или “ионийцы”, – на совести М. Ю. Лаптевой, а не Ю. В. Андреева. Далее, о грубом схематизме Ю. В. Андреев говорит лишь в связи с афиноцентристской составляющей традиции, и, как хорошо знает М. Ю. Лаптева (см. с. 17 и прим. 30), в своем отношении к этой составляющей он далеко не одинок. Заключительную же фразу приведенной филиппики уместно сопоставить с подлинными словами Ю. В. Андреева. Резюмировав факты, извлекаемые из данных археологии, он пишет буквально следующее: “Всякие дальнейшие предположения относительно главных центров колонизационного движения, этнического состава его участников, а в равной степени относительно его характера, вызвавших его причин и т. п. связаны уже с известным риском” (с. 711).

В книге свыше двадцати иллюстраций. В подавляющем большинстве случаев их источники не указаны. Качество иллюстраций, как правило, низкое. Библиографическое описание указываемых в примечаниях научных работ сплошь и рядом неоправданно подробно и далеко не всегда соответствует каким бы то ни было правилам. В книге много повторов.

Если от отдельных частей и аспектов сочинения М. Ю. Лаптевой обратиться к целому, то можно заметить, что автор не проводит должного различия не только между исследованием и компиляцией, но также между исторической монографией и краеведческим очерком. В книге даже не ставится вопрос о том, что является специфически общим для полисов Ионии, что делает их отличными от других греческих полисов – в частности малоазийских. Соответственно, не возникает и вопрос об исторических корнях такого рода общности, не обсуждается возможная здесь роль общеионийских институтов и традиций – что, разумеется, потребовало бы сопоставления исторического развития Ионии с историческими процессами в Аттике и на Эвбее. Само название книги указывает на отсутствие продуманного плана. Оно неудачно сразу в двух отношениях. Во-первых, собственно предмету книги нашлось место лишь в подзаголовке. Во-вторых, о каких “истоках древнегреческой цивилизации” может идти речь, коль скоро автор доводит свое изложение до

конца VI в., когда мы застаем полисную структуру вполне оформившейся, Гомера и важнейших лирических поэтов – в прошлом, теоретическую науку и философию – существующими уже на протяжении трех поколений, архитектуру – принявшей свои классические формы?

Нескольких особых замечаний заслуживают вступительные слова издательской аннотации: “Монография М. Ю. Лаптевой представляет собой первое в отечественном антиковедении исследование, посвященное становлению и развитию греческих полисов Ионии”. Книга М. Ю. Лаптевой не является исследованием, но она является товаром, поступающим на книжный рынок, и здесь не помешало бы более щепетильное отношение к истинному положению вещей. Далее, что значит “первое в отечественном антиковедении”? В советское время это означало бы практически то же самое, что и “первое в марксистском антиковедении”, и это указывало бы на то, что работа построена на единственно правильной методологии. Советские времена прошли. Предваряют ли российские математики или физики свои монографии словами “впервые в отечественной математике (физике)”?. Появляются ли книги наших коллег, предваренные гордым издательским “впервые в английском (немецком и т. д.) антиковедении”? Таким образом, если нам преподносят нечто “первое в отечественном антиковедении”, то в этом приходится усмотреть выражение недобросовестности (ведь нам предлагают судить работу по каким-то привилегированным меркам), а также молчаливое признание второсортности публикации.

В заключение я позволю себе обратиться к материям, несколько выходящим за рамки собственно рецензии. М. Ю. Лаптева много прочитала и много знает. Она не новичок. В списке литературы, приложенном к книге, значится двадцать семь ее работ, опубликованных в течение двадцати восьми лет – правда, либо в маргинальных, либо в узко-групповых изданиях. М. Ю. Лаптева могла бы составить ценные обзоры научной литературы и источников по избранной теме. Откуда же столь явные провалы во владении ремеслом? Предполагаю, что это связано с длительным пребыванием в определенной среде, которая своими примерами, одобрениями, умолчаниями, приглашениями, публикациями способствовала прогрессирующей дезориентации в отношении того, что представляет собой научное исследование. Понятно, что всякая такого рода среда существует для собственного удобства. Но та среда, к которой принадлежит М. Ю. Лаптева, по-видимому, характеризуется одной особенностью, делающую картину более интересной и сложной. Похоже, что в этой среде господствуют пусть не глубокие, но вме-

сте с тем достаточно здравые представления о том, что и как происходило в древней истории. По-видимому, сознание того, что они не говорят ничего явным образом неверного, мешает ученым, застрявшим в этой среде, заметить вторичность и принципиальную ограниченность их науки. Я позволю себе напомнить коллегам простой путь к лучшему. Посылайте свои статьи, например, в *Вестник древней истории* или – еще лучше – *The Journal of Hellenic Studies*. Если вам порой и откажут в публикации, то, скорее всего, сопроводят свой отказ внятным объяснением того, чем ваша статья не соответствует принятым в данном журнале издательским принципам – полезный для каждого из нас способ вырваться за узкие рамки устоявшихся отношений и представлений.

Д. В. Панченко
*Bibliotheca Classica Petropolitana,
Helsinki Collegium for Advanced Studies*